

УДК 347.736

DOI: 10.34670/AR.2026.60.72.038

**Действие норм о вине (невиновности), предусмотренных Общей частью Гражданского кодекса РФ и Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)», применительно к субсидиарной ответственности выгодоприобретателя, являющегося контролирующим должника лицом**

**Сафин Талгат Ильнарлович**

Аспирант кафедры гражданского и корпоративного права,  
Санкт-Петербургский государственный  
экономический университет,  
191023, Российская Федерация,  
Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30–32;  
e-mail: talgat.safin.1998@gmail.com

**Аннотация**

В данной статье автор рассматривает вопросы применения норм действующего законодательства о вине в случае привлечения контролирующего должника лица (в том числе, выгодоприобретателя) к банкротной субсидиарной ответственности за вывод активов должника. В статье приводится аргументация в пользу решения, согласно которому в данном случае необходимо комплексное применение абзаца 2 пункта 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве и абзаца 2 пункта 1 статьи 401 ГК РФ. Автор не соглашается с обособленным применением данных норм, как противоречащего существу законодательного регулирования и необоснованно ограничивающего перечень ситуаций, при которых контролирующее должника лицо признается невиновным.

**Для цитирования в научных исследованиях**

Сафин Т.И. Действие норм о вине (невиновности), предусмотренных Общей частью Гражданского кодекса РФ и Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)», применительно к субсидиарной ответственности выгодоприобретателя, являющегося контролирующим должника лицом // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 4А. С. 306-314. DOI: 10.34670/AR.2026.60.72.038

**Ключевые слова**

Банкротство, вина, невиновность, субсидиарная ответственность, контролирующее должника лицо, выгодоприобретатель, Гражданский кодекс РФ, Закон о банкротстве.

## Введение

Пункт 10 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) указывает на вину, как на обязательный признак состава правонарушения, по которому контролирующее должника лицо (далее – КДЛ) привлекается к субсидиарной ответственности. Это в полной мере относится к выгодоприобретателям, статус КДЛ которым присваивается в соответствии с подпунктом 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве

Абзац 2 подпункта 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве и статья 2 того же закона (дающая определения основным понятиям), не дают ответа на вопрос, применяется ли в данном случае определение невинности, предусмотренное абзацем 2 пункта 1 статьи 401 ГК РФ. Представители в отечественной доктрине придерживаются разных точек зрения по данному вопросу. В.Г. Голубцов [Голубцов, 2020, с.248-273], О.В. Гутников [Гутников, 2019], И.Ю. Рыков [Рыков, 2019] ограничиваются применением абзаца 2 пункта 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве. Ю.Д. Жукова и К.П. Павлова предлагают ориентироваться на положения ст. 401 ГК РФ, считая при этом, что вопрос о возможности их безусловного применения по аналогии в данной ситуации остается открытым [Жукова, Павлова, 2018, с.10-14]. В.Ю. Сильченко [Сильченко, 2024, с.168-169], С.В. Петухов [Петухов, 2024, с.85] и Е.К. Орлов [Орлов, 2022, с.61-68] применяют обе нормы. Не соглашаясь с деликтной природой банкротной субсидиарной ответственности, Е.Д. Суворов применяет абзац 2 пункта 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве, не рассматривая статью 401 ГК РФ [Суворов, 2020, с.116-117].

Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ придерживаются разных точек зрения. Верховный Суд РФ применяет абзац 2 пункта 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве (пункт 18 Постановления Пленума от 21.12.2017 № 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве", далее – Постановление № 53), игнорируя абзац 2 пункта 1 статьи 401 ГК РФ. Не рассматривая вопрос по существу, Конституционный Суд РФ рассматривает действия КДЛ с точки зрения должной степени заботливости и осмотрительности (терминология абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ использована в пунктах 1.2 Постановления КС РФ от 30.10.2023 N 50-П, пунктах 3.1, 7 Постановления КС РФ от 07.02.2023 N 6-П в спорах по субсидиарной ответственности с применением абз. 2 п. 10 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

## Основная часть

Действующее гражданское законодательство интерпретирует вину через определение невинности. Изначально этот прием законодательной техники был использован в абзаце 2 пункта 1 статьи 401 ГК РФ, а затем абзац 2 подпункта 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве установил аналогичное правовое регулирование. В таком подходе законодателя С.С. Алексеев справедливо отмечает разумную правовую логику. Ссылаясь на установленную в отечественном гражданском праве презумпцию виновности правонарушителя (в нашем случае – «выгодоприобретателя-делинквента» по пункту 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве и пункту 2 статьи 1064 ГК РФ), данный ученый указывает, что «[о]тнесение категории вины в ее негативном понимании к основаниям освобождения от ответственности связано и с процессуально-правовым действием презумпции виновности: распределение обязанности по доказыванию фактов основания исковых требований и фактов, относящихся к возражениям против этих требований, в гражданском процессе таково, что вина не включается в число

правопроизводящих фактов, подлежащих доказыванию со стороны истца [Алексеев, 2010, с.481]. Не случайно поэтому именно в процессуальной литературе с достаточной отчетливостью проводятся разграничительные линии между правопроизводящими фактами, образующими в своей совокупности состав гражданского правонарушения (процессуальное основание иска), и фактами, освобождающими право нарушителя от ответственности, к которым относится отсутствие вины в действиях правонарушителя [Юдельсон, 1951. с.288-289].

Абзац 2 пункта 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве определяет невиновность через перечисление действий, которые совершает контролирующее должника лицо (в том числе, выгодоприобретатель) при совершении сделки с должником. Этот подход поддерживается представителями современной отечественной цивилистики. Так, Е.А. Суханов указывает, что «вина в гражданском праве по общему правилу рассматривается не как субъективное, психическое отношение лица к своему поведению, а как непринятие им объективно возможных мер по устранению или недопущению отрицательных результатов своих действий, диктуемых обстоятельствами конкретной ситуации» [Суханов, 2011]. С ним соглашается В.В. Витрянский, указывая, что «для оценки вины должника не имеют никакого правового значения индивидуальные качества должника и тем более его «психические переживания» в связи с совершенным им правонарушением. Вместо этого используется абстрактная модель ожидаемого поведения в той или иной ситуации разумного и добросовестного участника имущественного оборота» [Витрянский, 2001]. «[Д]ействительно правда, – пишет Л.И. Петражицкий, – что право «внутренних», т. е. психических, фактов очень не любит и стремится их по возможности избегать, стараясь заменить их по возможности более доступными контролю фактами и признаками» [Петражицкий, 2002]. Аналогичная правовая позиция представлена в «Принципах европейского деликтного права» (Principles of European Tort Law, PETL) 2005 года. Э.А. Евстигнеев отмечает, что хотя PETL и не имеют обязательной юридической силы, они являются одним основополагающих документов, иллюстрирующим тенденции развития унифицированного европейского деликтного права [Евстигнеев, 2017, с.45-83]. Согласно статье 4:101 PETL «[л]ицо считается виновно ответственным за причинение вреда в случае нарушения общепринятых норм поведения». В силу положений статьи 4:102 PETL «[о]бщепринятыми нормами поведения считаются нормы поведения разумного человека в обстоятельствах, зависящих, в частности, от природы и значимости защищаемого законом права, от степени опасности деятельности и должного уровня профессионализма, которого следует ожидать от лица, осуществляющего эту деятельность, от предсказуемости вреда, степени взаимосвязей или особой доверительности в отношениях между всеми участниками, а также от доступности мер предосторожности и затрат на их проведение или альтернативных способов предотвращения вреда». При этом В.В. Иваненко справедливо отмечает, что при поведенческом понимании вины, «начиная с Г.В.Ф. Гегеля и Л.А. Фейербаха является традиционным рассматривать только неосторожность как нарушение какого-либо стандарта поведения» [Иваненко, 2023]. Аналогичной правовой позиции придерживается А.Г. Карапетов, отмечающий, что «[о]траженное в абзаце втором п. 1 ст. 401 ГК РФ определение вины как непростоя должником при исполнении обязательства должных мер заботливости и осмотрительности адекватно характеризует именно неосторожность» [Карапетов, 2022, с.1280]. Умышленный деликт, очевидно, не предполагает необходимости сравнения с поведением обычных законопослушных участников оборота.

Теоретически возможны три варианта применения норм действующего законодательства о вине в случае привлечения контролирующего должника лица (в том числе,

выгодоприобретателя) к банкротной субсидиарной ответственности за вывод активов должника: (а) действует только абзац 2 пункта 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве; (б) действует только абзац 2 пункта 1 статьи 401 ГК РФ; (в) действуют обе нормы.

Далее по тексту настоящей статьи представлена аргументация в пользу третьего варианта. Как писал римский юрист Павел - «[н]е ново то положение, что прежние законы распространяются на последующие» (Дигесты Юстиниана, D.1.3.26)» [Дигесты Юстиниана Т. I., 2008, с.112-113].

Мы согласны с правовой позицией, которая предполагает, что между вышеуказанными первыми двумя вариантами принципиальных противоречий, в действительности, нет. Первый из них можно считать гармоничным развитием второго (с учетом специфики субсидиарной ответственности выгодоприобретателей как КДЛ). «В конечном счете должный уровень мер заботливости и осмотрительности измеряется по модельному поведению не любого среднестатистического лица, которое можно ожидать в подобной ситуации на практике, а только разумного и добросовестного лица», пишет А.Г. Карапетов [Карапетов, 2022, с.1283]. В таком случае положения абз. 2 п. 10 ст. 61.11 Закона о банкротстве толкуются как устанавливающие дополнительные (действующие самостоятельно) основания невиновности, которые по своей сути не противоречат правилам абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ. На фактор виновности (применительно к абзацу 2 пункта 10 статьи 61.10 Закона о банкротстве) ссылаются, в частности, Суворов Е.Д. [Суворов, 2020, с.116], Голубцов В.Г. [Голубцов, 2020, с.248-273], Сильченко В.Ю [Сильченко, 2024, с.168-169]. Даже если действие «добросовестное и разумное в интересах должника» (Закон о банкротстве) полностью не обнимается понятием «должной степени заботливости и осмотрительности, которую требует характер обязательства» (ГК РФ), Закон о банкротстве может устанавливать дополнительные случаи, которые невиновность подтверждают. На это указывают пять обстоятельств. Во-первых, оба рассматриваемых акта в качестве основного критерия видят соответствие действий контролирующего должника лица «условиям оборота» (так поступает обычный законопослушный гражданин, «добрый отец семейства» – собирательный образ, исторически возникший в римском праве и сочетающий в себе добросовестность, честность, порядочность и иные подобные атрибуты (в терминологии Р. Иеринга «*diligens paterfamilias*» [Иеринг, 2023, с.247-248])). В.В. Иваненко применяет этот «стандарт должного поведения» в своем исследовании о содержании категории вины [Иваненко, 2023, 7-70]. Во-вторых, некоторые позиции из абз. 2 п. 10 ст. 61.11 Закона о банкротстве (действовать в интересах должника, его участников, предотвращать ущерб интересам кредиторам должника), очевидно, не имеют отношения к указанной в ст. 401 ГК РФ гражданско-правовой «заботливости и осмотрительности». И.Б. Новицкий по подобным поводам отмечает, что «[п]ризнание принципа доброй совести в качестве руководящего мерила при решении спорных вопросов само по себе не исключает возможности эгоистического отстаивания каждым своих интересов» [Новицкий, 2006, 124, с.130] (выгодоприобретатель извлекает выгоду для себя, а не для должника, его участников и кредиторов). Применительно к данному понятию А.В. Коновалов справедливо отмечает следующее: «[в] науке советского гражданского права в силу его идеологизации обосновывалась недопустимость «эгоистических интересов»... Сам по себе эгоизм, во-первых, является исключительно моральной категорией, во-вторых, присущ в большей или меньшей степени всем без исключения, и в-третьих, в измерении свободного рынка и разумно организованной экономики является скорее позитивным фактором, движущим и развивающим рыночные отношения, – но лишь с оговоркой о недопустимости таких его проявлений, которые нарушают или способны нарушить существующий правопорядок, права и законные интересы других лиц» [Коновалов, 2019, с.311-312]. Но для целей законодательства о

банкротстве (со специфическим правовым статусом КДЛ, радикально изменяющим требования правопорядка к такому особенному контрагенту должника) вышеуказанные позиции востребованы и крайне необходимы. Это с неизбежностью свидетельствует о необходимости применения обоих законоположений (каждое – для своего случая). Третьим аргументом является факультативное применение ст. 401 главы 25 ГК РФ (из подраздела «Общие положения об обязательствах») в части, не противоречащей «специальным положениям» Закона о банкротстве. Данный подход основан на положениях п. 2 ст. 307.1 ГК РФ (прямо предполагающего такое правовое регулирование применительно к деликтам), а также пункта 2 Постановления № 53 (признающего такое факультативное правоприменение «общим принципом привлечения контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»). Четвертым доводом является тот факт, что перечень абз. 2 п. 10 ст. 61.11 Закона о банкротстве является закрытым, а со стороны законодателя было бы нелогичным ограничивать ответчика представлять иные доказательства своей невиновности. Сложно согласиться с Суворовым Е.Д., который указывает на необходимость одновременного наличия первых четырех условий для применения положений абзаца 2 пункта 10 статьи 61.10 Закона о банкротстве, что лицо «действовало согласно обычным условиям гражданского оборота, добросовестно и разумно в интересах должника, его учредителей (участников), не нарушая при этом имущественные права кредиторов» [Суворов, 2020, с.116]. Хотя буквально такое толкование возможно, но разнонаправленность, самодостаточность и возможная взаимная противоречивость перечисленных условий (например, «действия согласно обычным условиям гражданского оборота» не всегда соответствуют «интересам учредителей должника») предполагает грамматическое прочтение, предусматривающее самостоятельное применение каждого из них. Как указывает Г.Ф. Шершеневич, «грамматическое или, иначе, словесное толкование не следует смешивать с буквальным. Первое исследует слова, чтобы понять лучше мысль; второе игнорирует мысль из-за слов. Для первого мысль составляет цель, а слово только средство, тогда как для второго слово есть самоцель» [Шершеневич, 2016, с.637]. Для этого необходимо признать действие общего правила, на статус которого может претендовать только абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ, поскольку никакого «генерального» признака невиновности абз. 2 п. 10 ст. 61.11 Закона о банкротстве не содержит. Из четвертого вытекает пятый аргумент – это презумпция разумности законодателя. А.В. Федотов, в частности, указывает, что «[к] общеправовым неопровержимым презумпциям относятся презумпции... целесообразности законов...» [Федотов, с.2001]. Ю.А. Сериков относит презумпцию целесообразности законов к числу «общеправовых неопровержимых презумпций» [Сериков, 2005, с.56].

Так, руководствуясь презумпцией разумности законодателя, последний в Законе о банкротстве: (а) явно не мог полагаться исключительно на вышеуказанный закрытый перечень; (б) в соответствии с «принципом непротиворечивости норм, составляющих действующее право» (на который справедливо обращает свое внимание С.А. Карелина [Карелина, 2008, с.413] при доктринальном исследовании механизма правового регулирования отношений несостоятельности) исключил бы действие абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ, если он противоречит абз. 2 п. 10 ст. 61.11 Закона о банкротстве; (в) не прибег к «автономному толкованию понятий» (например, раскрыв термин «вина» в ст. 2 Закона о банкротстве, где перечислены «Основные понятия»). Таким образом, комплексное применение рассмотренных нами норм о вине является оправданным и соответствующим букве закона. При этом для участников гражданского оборота представляется желательным указать в абзаце 2 пункта 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве на факультативное применение положений абзаца 2 пункта 1 статьи 401 ГК РФ (принцип правовой определенности для участников гражданского оборота имеет в данном случае немаловажное

значение). В данном случае следует согласиться с Г. Дж. Берманом, который заключает, что «[т]олкование, стремление к последовательности и рациональности, «уточнение определения», систематизация, взгляд на закон как на сложное единство, основанное на синтезе противопоставленных элементов, превратились в важные черты права» [Берман, 1998, с.511]. Как отмечает К.И. Малышев, «каждый отдельный закон есть только звено в целой системе права, каждое понятие и положение, в нем выраженное, суть принадлежности этой системы, каждое слово, в нем употребленное, есть элемент терминологии, имеющий свой определенный смысл в системе права» [Малышев, 1878, с.286].

## Заключение

Вышеизложенное подтверждает, что алгоритм действий правоприменителей (в первую очередь суда) в спорах о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности идентичен и полностью подпадает под схематичное описание, предлагаемое А.Г. Карапетовым («[с]уд сначала оценивает, какие меры заботливости и осмотрительности предприняло бы на месте должника разумное и добросовестное лицо при исполнении обязательства на фоне тех уникальных обстоятельств (в том числе возможных препятствий, сложностей, рисков и неопределенности), с которыми столкнулся реальный должник. Это вопрос правовой, нормативный. Далее (на втором этапе) суд, определив этот стандарт должных мер, устанавливает реальное поведение конкретного нарушителя, те меры заботливости и осмотрительности, которые тот реально принял. Это вопрос чисто фактический... Наконец, на третьем этапе суд сравнивает определенный стандарт поведения с реальным поведением должника» [Карапетов, 2022, с.1281]. Как пишет И.С. Розенталь, «[н]ет вины, если соблюдено все, что требовалось» [Розенталь, 2004]. Данное правило известно со времен римского права (D.9.2.30.3) [Дигесты Юстиниана Т.П., 2008, с.418-421]. В таком объективном понимании вины выгодоприобретатель, (принимающий, например, отступное в счет долга), будет доказывать собственную невиновность через соответствие своего поведения вышеуказанным стандартам соблюдения должных мер.

## Библиография

1. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 1. М.: Статут, 2010. 495 с.
2. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М-НОРМА, 1998. 624 с.
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. Кн. 1. // СПС «КонсультантПлюс».
4. Голубцов В.Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 2. С. 248–273.
5. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗиСП; КОНТРАКТ, 2019. // СПС «КонсультантПлюс».
6. Дигесты Юстиниана. Т. I. М.: Статут, 2008. 584 с.
7. Дигесты Юстиниана. Т. II. М.: Статут, 2008. 622 с.
8. Евстигнеев Э.А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения // Вестник гражданского права. 2017. № 4. // СПС «КонсультантПлюс».
9. Жукова Ю.Д., Павлова К.П. Основания ответственности контролирующего лица: проблемные аспекты установления состава правонарушения в свете реформирования российского законодательства о банкротстве // Гражданское право. 2018. № 1. С. 10–14.
10. Иваненко В.В. Содержание категории вины в гражданском праве: в поисках оптимального решения // Вестник гражданского права. 2023. № 1. С. 7–70.
11. Иеринг Р. Составляющая вины в римском частном праве // Правоведение. 2023. Т. 67. № 2. С. 216–257.
12. Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношения несостоятельности (банкротства): дис. ... д-ра

- юрид. наук: 12.00.03. М., 2008. 637 с.
13. Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. М., 2019. 1161 с.
  14. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1876. 444 с.
  15. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 124–181.
  16. Орлов Е.К. Субсидиарная ответственность и взыскание убытков. Различия в доказывании с учетом применимых презумпций // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 4. С. 61–68.
  17. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 ГК РФ / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. 1582 с.
  18. Петражицкий Л.И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. М.: Статут, 2002. // СПС «КонсультантПлюс».
  19. Петухов С.В. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 225 с.
  20. Римское частное право: учебник / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юристъ, 2004. 544 с.
  21. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. // СПС «КонсультантПлюс».
  22. Рыков И.Ю. Субсидиарная ответственность: тенденции современного менеджмента. 2-е изд. [Электронное издание]. М.: Статут, 2019. // СПС «КонсультантПлюс».
  23. Сериков Ю.А. Процессуальные функции правовых презумпций в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Екатеринбург, 2005. 227 с.
  24. Сильченко В.Ю. Особенности рассмотрения дел о привлечении к субсидиарной ответственности в связи с невозможностью полного погашения требований кредиторов: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. Екатеринбург, 2024. 243 с.
  25. Суворов Е.Д. Субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника. М.: Статут, 2020. 207 с.
  26. Федотов А.В. Понятие и классификация доказательственных презумпций // Журнал российского права. 2001. № 4. // СПС «КонсультантПлюс».
  27. Шершеневич Г.Ф. Избранное. В 6 т. Т. 4. М.: Статут, 2016. 752 с.
  28. Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 1951. 295 с.

## **The Operation of Norms on Guilt (Innocence) Provided by the General Part of the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" in Relation to the Subsidiary Liability of a Beneficiary Who is a Controlling Person of the Debtor**

**Talgat I. Safin**

Postgraduate Student,  
Department of Civil and Corporate Law,  
Saint Petersburg State University of Economics,  
191023, 30–32, Griboedova canal embankment,  
Saint Petersburg, Russian Federation;  
e-mail: talgat.safin.1998@gmail.com

### **Abstract**

In this article, the author examines the issues of applying the norms of current legislation on guilt in the case of holding a controlling person of the debtor (including a beneficiary) to bankruptcy subsidiary liability for the withdrawal of the debtor's assets. The article provides arguments in favor of the solution according to which, in this case, a comprehensive application of paragraph 2 of clause

10 of Article 61.11 of the Bankruptcy Law and paragraph 2 of clause 1 of Article 401 of the Civil Code of the Russian Federation is necessary. The author disagrees with the isolated application of these norms, as contradicting the essence of legislative regulation and unreasonably limiting the list of situations in which a controlling person of the debtor is recognized as innocent.

### For citation

Safin T.I. (2026) *Deystvie norm o vine (nevinovnosti), predusmotrennykh Obshchey chast'yu Grazhdanskogo kodeksa RF i Federal'nym zakonom «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)», primenitel'no k subsidiarnoy otvetstvennosti vygodopriobretatelya, yavlyayushchegosya kontroliruyushchim dolzhnika litsom* [The Operation of Norms on Guilt (Innocence) Provided by the General Part of the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" in Relation to the Subsidiary Liability of a Beneficiary Who is a Controlling Person of the Debtor]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (4A), pp. 306-314. DOI: 10.34670/AR.2026.60.72.038

### Keywords

Bankruptcy, guilt, innocence, subsidiary liability, controlling person of the debtor, beneficiary, Civil Code of the Russian Federation, Bankruptcy Law.

### References

1. Alekseev, S. S. (2010). *Sobranie sochineniy* [Collected works] (Vol. 1). Statut.
2. Berman, G. J. (1998). *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [The Western tradition of law: the epoch of formation]. MSU Publishing House; INFRA-M-NORMA.
3. Braginsky, M. I., & Vitryansky, V. V. (2001). *Dogovornoe pravo. Obshchie polozheniya* [Contractual law. General provisions] (3rd ed., Book 1). Statut. ConsultantPlus.
4. Digests of Justinian. (2008a). (Vol. I). Statut.
5. Digests of Justinian. (2008b). (Vol. II). Statut.
6. Evstigneev, E. A. (2017). *Printsip general'nogo delikta: sovremennoe sostoyanie i perspektivy primeneniya* [The principle of general tort: current state and prospects of application]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 4. ConsultantPlus.
7. Fedotov, A. V. (2001). *Ponyatie i klassifikatsiya dokazatel'stvennykh prezumptsiy* [The concept and classification of evidentiary presumptions]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 4. ConsultantPlus.
8. Golubtsov, V. G. (2020). *Subsidiarnaya otvetstvennost' kontroliruyushchikh dolzhnika lits: evolyutsiya zakonodatel'nykh podkhodov* [Subsidiary liability of persons controlling the debtor: evolution of legislative approaches]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2, 248–273.
9. Gutnikov, O. V. (2019). *Korporativnaya otvetstvennost' v grazhdanskom prave* [Corporate responsibility in civil law]. IZiSP; KONTRAKT. ConsultantPlus.
10. Ivanenko, V. V. (2023). *Soderzhanie kategorii viny v grazhdanskom prave: v poiskakh optimal'nogo resheniya* [The content of the category of guilt in civil law: in search of an optimal solution]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 1, 7–70.
11. Jhering, R. (2023). *Sostavlyayushchaya viny v rimskom chastnom prave* [The component of guilt in Roman private law]. *Pravovedenie*, 67(2), 216–257.
12. Karelina, S. A. (2008). *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya otnosheniy nesostoyatel'nosti (bankrotstva)* [Mechanism of legal regulation of insolvency (bankruptcy) relations] (Doctoral dissertation). Moscow.
13. Karapetov, A. G. (Ed.). (2022). *Peremena lits v obyazatel'stve i otvetstvennost' za narushenie obyazatel'stva* [Change of persons in an obligation and responsibility for breach of an obligation]. M-Logos.
14. Konovalov, A. V. (2019). *Printsiipy grazhdanskogo prava: metodologicheskie i prakticheskie aspekty issledovaniya* [Principles of civil law: methodological and practical aspects of research] (Doctoral dissertation). Moscow.
15. Malyshev, K. I. (1876). *Kurs grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Course of civil proceedings] (Vol. 1). M. M. Stasyulevich.
16. Novitsky, I. B. (2006). *Printsip dobroy sovesti v proekte obyazatel'stvennogo prava* [The principle of good conscience in the draft law of obligations]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 1, 124–181.
17. Novitsky, I. B., & Peretersky, I. S. (Eds.). (2004). *Rimskoe chastnoe pravo* [Roman private law]. Yurist.

18. Orlov, E. K. (2022). Subsidiarnaya otvetstvennost' i vyzskanie ubytkov. Razlichiya v dokazyvanii s uchetom primenimykh prezumptsiy [Subsidiary liability and recovery of damages]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*, 4, 61–68.
19. Petrazhitsky, L. I. (2002). Prava dobrosovestnogo vladel'tsa na dokhody s tochek zreniya dogmy i politiki grazhdanskogo prava [The rights of a bona fide owner to income]. Statut. ConsultantPlus.
20. Petukhov, S. V. (2024). Subsidiarnaya otvetstvennost' kontroliruyushchikh lits [Subsidiary responsibility of controlling persons] (Candidate's dissertation). Moscow.
21. Rykov, I. Yu. (2019). Subsidiarnaya otvetstvennost': tendentsii sovremennogo menedzhmenta [Subsidiary responsibility: trends in modern management] (2nd ed.). Statut. ConsultantPlus.
22. Serikov, Yu. A. (2005). Protsessual'nye funktsii pravovykh prezumptsiy v grazhdanskom sudoproizvodstve [Procedural functions of legal presumptions in civil proceedings] (Candidate's dissertation). Yekaterinburg.
23. Shershenevich, G. F. (2016). Izbrannoe [Selected works] (Vol. 4). Statut.
24. Silchenko, V. Yu. (2024). Osobennosti rassmotreniya del o privlechenii k subsidiarnoy otvetstvennosti v svyazi s nevozmozhnost'yu polnogo pogasheniya trebovaniy kreditorov [Peculiarities of consideration of cases on bringing to subsidiary liability] (Candidate's dissertation). Yekaterinburg.
25. Sukhanov, E. A. (Ed.). (2011). Rossiyskoe grazhdanskoe pravo [Russian civil law] (2nd ed., Vol. 1). Statut. ConsultantPlus.
26. Suvorov, E. D. (2020). Subsidiarnaya otvetstvennost' po obyazatel'stvam nesostoyatel'nogo dolzhnika [Subsidiary liability for the obligations of an insolvent debtor]. Statut.
27. Yudelson, K. S. (1951). Problema dokazyvaniya v sovetskom grazhdanskom protsesse [The problem of proof in the Soviet civil procedure]. Moscow.
28. Zhukova, Yu. D., & Pavlova, K. P. (2018). Osnovaniya otvetstvennosti kontroliruyushchego litsa: problemnye aspekty ustanovleniya sostava pravonarusheniya [Grounds of responsibility of the controlling person]. *Grazhdanskoe pravo*, 1, 10–14.